

*Аните Хилл, которая говорит правду сильным.
Шанель Миллер, от которой мы узнали твое имя.*

*Тем, кто заговорил первыми, вопреки
нападкам и сопротивлению, чтобы мы
смогли подхватить их слово.*

Всем девушкам

Глава 1

Давным-давно жили-были пять принцесс. Нет, скорее колдуний. Которые на самом-то деле были богинями. Хотя неважно, главное, что они были подругами.

Жили-были пять подруг.

А дальше вот какая получилась история.

Наконец-то лето, и мы двинули к морю. Поппи за рулем, я, понятно, сижу рядом. Рамона, Пас и Талия плотно сдвигают головы, чтобы влезть в кадр. Я предлагаю убрать все телефоны в бардачок. Мы поем под радио, пока музыку не забивают помехи, а потом играем в «Номерной знак» и в «Правду или действие». Я даю Рамоне задание снять лифчик — рядом с нами как раз едет джип, она мне в отместку — выставить в окно задницу.

— Ро! — пишу я.

— Вирджиния! — верещит она в ответ, швыряет в меня резинкой для волос и говорит: — Проиграла, так давай.

Ну, я и даю и чудом остаюсь в живых, когда Поппи резко поворачивает руль и я едва не вываливаюсь наружу.

В Ла-Пуш мы приезжаем на закате. На полу в машине полно мусора, нога у меня затекла, руки у нас переплелись

и перепутались. Талия заплетает Поппи мелкие косички, я крашу Пас ногти на ногах, а Ро уплетает бутерброд, который Талия прихватила для себя.

Мы вываливаемся из машины, взявшись за руки и толкаясь попами — похоже, дружба у нас все-таки крепкая, ничто ее не разрушит, никогда. Но тут нас замечает Эдисон, громко зовет меня по имени, я чувствую, как Талия шарит глазами по моей коже, и мне делается страшно: а вдруг разрушит?

Мы собираемся устроить лагерь на пляже. Всем наплевать, разрешено это или нет. Мы просто ставим палатки, вытаскиваем спальники и садимся пить. Повсюду голые ноги, бегущие волны, шортики из обрезанных джинсов. Я надеваю купальник, но в воду не лезу. Здесь в океане не купаются. Слишком холодно. В штате Вашингтон не поплаваешь даже летом.

Ро разводит костер — Талия хоть и не сразу, но отдает нам свои пакеты из «Трейдера Джо» на растопку, после чего к нам то и дело подваливают парни — выпить нашего пива и стянуть хот-дог. Руми обнимает Поппи, целует в шею, лапает за ляжку, а она все отстраняется и передергивает плечами, но он будто не слышит этого ее «убери руки, а то меня стошнит». Я вижу, что она пьяна — изо рта у нее пахнет чем-то сладким, вроде виски, зрачки расширены. Поппи всегда изображает такую невинность, типа: «А что я не так сделала?»

Руми, похоже, на это плевать, Поппи же его девушка, но я вижу, что она злится, причем после каждой рюмки все сильнее. Интересно, как ночью быстро все меняется. Сперва сидишь под звездным небом и солеными брызгами, зарывшись пальцами ног во все еще теплый песок, костер потрески-

вает, искры улетают вверх, рядом вздыхает океан. А потом вдруг понимаешь, что тебя сейчас вырвет, а все вокруг наверняка говорят про тебя гадости, потому что ты пьяная, вялая и тебя лапают.

Поппи зажимает рот ладонью и уходит, пошатываясь, к скалам; Руми тащится следом — видимо, считает, что хорошему бойфренду так и положено. Я тоже иду, ведь я знаю, что будет дальше.

— Отвали, да? — говорит Поппи.

Я фыркаю от смеха, потому что голос у нее как у гангстера из английского фильма, но тут она сгибается пополам, и на землю шлепается что-то мокрое. Руми стоит рядом, засунув руки в карманы, и смотрит себе под ноги.

— Я разберусь, — говорю я ему.

Он явно колеблется. Поппи снова орет:

— Отвали!

Руми краснеет, смотрит на меня, а потом уходит — и мне делается его жалко. Поппи хватается за мою руку, меня качает, я задеваю пяткой камень, на ней появляется ссадина. Поппи снова рвет, а я стою, стиснув зубы, не отбираю у нее руку и слежу, чтобы волосы не падали ей на лицо.

Потом я обхватываю ее рукой за талию, она приваливается ко мне, и так мы идем к палатке. Я снимаю защиту от дождя — небо чистое, ветер ласковый. Мы ложимся рядом, мои высушенные волосы смешиваются с ее натуральными черными, она нашаривает мою руку, переплетает пальцы с моими.

Потом она долго лежит тихо — мне кажется, заснула. Я начинаю вставать, и тут она крепче сжимает мою ладонь.

— Я люблю тебя, — говорит она, не открывая глаз.

Руми сидит один, играет с приливом в «Кто первый струсит». Ноги вытянуты вперед и уже намокли.

— Она просто напилась, — сообщаю ему я. — Ты тут ни при чем. Ее всегда переключивает, когда тошнит.

В расцарапанной пятке пульсирует боль. Руми ничего не отвечает, я осматриваю ногу. Кровь все еще идет, в порез попал песок.

— Что случилось? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

Руми встает.

— Подожди здесь.

Вернувшись, он кладет мою пятку себе на колени. Льет холодную воду на порез — щиплет. Смазывает неоспорином, заклеивает пластырем. Я вспоминаю, что твердо решила с ним не флиртовать, и теперь понятия не имею, что сказать. Сгибаю колено, засовываю заклеенную ногу под попу.

Пас у костра начинает петь, Талия сидит у Эдисона на коленях, Ро что-то кричит Эдисону, типа что сейчас даст ему в морду — скорее всего, он это заслужил, но Ро все-таки, наверное, шутит. Потом они разбредаются в стороны от костра, рассаживаются отдельными компаниями, Пас, Талия и Ро заходят в воду по лодыжку, вода гладкая и серебристая в свете луны. Эдисон тащится куда-то, прихватив упаковку пива, накренившись набок, точно разваливающийся дом.

Я каждый раз говорю себе: все, это в последний раз. Талия что-то подозревает, хотя и не знает правды. Если я сейчас остановлюсь, может, и не узнает. Но тут Эдисон бросает на меня взгляд через плечо. Я встаю, поправляю низ купальника, стряхиваю с попы песок. Чувствую, что Руми

следит, как я ухожу следом за Эдисоном, но я не оглядываюсь. Народу собралась куча, никто ничего не заметит — скорее всего.

Почти полнолуние, луна дрожит на воде, и в какой-то миг, в преломленном свете, мне кажется, что я очень красивая. Поэтому я его целую, и мы, конечно же...

(Даже сказать не могу.)

Все еще слышны пение, залиvistый смех, грязные шутки наших спутников.

Я возвращаюсь домой к Поппи — я всегда возвращаюсь к ней домой. Это может быть ее комната, или стол в школьной столовой, или, как сейчас, палатка. Смотрю, как она дышит: вдох-выдох, вдох-выдох. Как ей это легко.

Когда я пришла от Эдисона, все уже легли. Костер почти потух. Лишь несколько угольков мерцали в пепле. Я некоторое время смотрела на них, пила красное вино из бутылки — кто-то бросил ее, открытую, наполовину закопав в песок.

И вот я лежу, пристроив бутылку на локоть, а когда в ней ничего не остается, засыпаю, положив голову на закапанную вином подушку, и шею мне лижут неприятные сны, но утром я их не вспомню.

Мы уже собираемся уезжать, и тут Рамона говорит, что нужно пойти искупаться.

— Лето перед выпускным классом. Такого больше никогда не будет.

— У нас, Роуи, есть еще и следующее лето. — Пас складывает руки на груди и щурит глаза.

— Следующим летом, Пас, мы уже не будем учиться в школе, — говорит Ро. — И все разъедемся по своим делам. Я во Францию, Талия хочет пораньше уехать на учебу, а твоя мама собралась съездить к родным в Бразилию.

Талия улыбается — солнце падает ей на лицо, она откидывается на песок, закрывает глаза. Поппи сердито смотрит в чашку с кофе, а я спрашиваю:

— Ну а я, Ро? Где буду я?

Ро бросает на меня взгляд — смущенный, неуверенный.

— А ты будешь сметать паутину с небес, Вирджиния. А потом рано или поздно к нам вернешься.

Пальцы ног облепила морская пена. Ро ставит коричневую ступню поверх моей, бледной. У нее ногти на ногах красные, у меня — цвета морской волны. Ступни выглядят красиво — рядышком, одна чуть прикрыта другой. Ро заправляет мне прядку за ухо, а я улыбаюсь — какие у нее веснушки, я их очень люблю. Я понимаю, она хочет меня подбодрить, только по-своему. Наверное, просто не знает, куда меня занесет, но верит, что я разберусь, — вот что она пытается мне сказать.

— Ну как, пошли? — У Поппи похмелье, поэтому она очень злая.

— Ладно, — говорит Пас, потом улыбается и тянется к Талии.

Мы вбегаем в воду, держась за руки. Налетает волна, напоминающая застывший электрический разряд. Мы верещим, Поппи до боли стискивает мою руку. А потом меня окатывает, охватывает, окружает жуткий холод. Невозможно ни дышать, ни думать. Миг ужаса, я теряюсь — а вдруг меня унесет в бескрайний синий океан. Но у меня есть якоря — мои подруги. С ними я в безопасности.

Глава 2

Обратно Талия и Пас едут с Эдисоном. Ро спит, растянувшись на заднем сиденье и вывесив пятки в окно. Поппи блюет. Похмелье, да ее еще и укачало, так что за рулем я.

— На этой неделе футбол начнется, — говорит она.

— И ты в ужасе? — спрашиваю я. Лично мне непонятно, какая радость — возиться с командой одиннадцатилеток.

— Мне нравятся дети. Они забавные.

Я улыбаюсь дороге. Поппи у нас такая. Даже не считает это благотворительностью.

— Мы с Эдисоном — ну, это, опять, — говорю я.

— И как, хорошо было? — Поппи отказывается меня осуждать.

— Ага, по большей части.

— А что было плохо?

— Он слюняво целуется. Заплевал мне все лицо и язык засунул в самое горло. Я едва не поперхнулась.

Поппи хохочет, прикрыв глаза. Впереди поворот, я безрассудно давлю на газ, потом резко торможу, когда машину начинает уводить в сторону, а лес и океан проносятся мимо смазанными зелеными и синими полосами, и весь мой мир

теряет устойчивость. Поппи фыркает и высовывает руку в окно.

— Так-то все нормально. Просто я не уверена, что оно тебе нравится, — говорит Поппи через некоторое время.

— Нормально? Тебе правда кажется, что то, что я делаю, нормально? — Я оглядываюсь на Ро. Она так и спит.

Поппи откидывается назад и закрывает глаза.

— Ну, это если в космическом масштабе. Нам семнадцать лет. Талия с Эдисоном не муж и жена при детишках. Ну типа драма, конечно. Но без серьезных последствий.

— Ты хочешь сказать, ну, короче...

Она смеется.

— Да ну тебя.

Дело в том, что от Поппи все равно не скроешься. Она смотрит на меня, я на нее.

— Но мне от этого гадко, — говорю я.

— Тогда зачем делаешь?

Поппи курит косяк. Я его перехватываю, затягиваюсь.

— Пуф-пуф, вот, забери обратно, — говорю я сквозь дым во рту.

— Вирджиния, зачем ты это делаешь? — повторяет Поппи.

— Убеждаю себя, как до дела доходит, что мне этого хочется.

— А потом?

— Ну вот вчера, когда мы с Эдисоном трахнулись, я чувствовала себя надраенной кастрюлей. — Я еще раз затягиваюсь и возвращаю косяк Поппи. — Странное, конечно, сравнение.

— А я поняла. Ты была пустая.

— И отшкрябанная.

— Бросила б ты это.

— Что именно?

— Делать вещи, от которых тебе гадко, — поясняет Поппи.

— Мне много от чего гадко, и никогда не скажешь заранее.

Но у меня есть ты. С тобой сразу становится лучше. — Я улыбаюсь подловатой улыбочкой — мол, знаю я, какая я дрянь, но ты ж меня все равно любишь.

Встаем в очередь к парому. Ро на заднем сиденье бурчит, садится, вытирает слюну в уголках рта.

— А здесь травкой пахнет, — сообщает она.

Паром причалил, и в центре Сиэтла, где плотное движение, за руль садится Поппи. Сперва пахнет солью, водорослями, холодным ветром, потом — выхлопными газами и нагретыми тротуарами. Переключая передачи в своей старенькой пацанской машине, Поппи каждый раз раздраженно хмыкает. Ро просматривает песни в телефоне, ищет самую лучшую.

Я жалею, что мы не остались у моря еще на ночь. Жалею, что не остановились в каком-нибудь прибрежном городишке, в задрипанном пансионе на убитой дороге, где вокруг домики из фанеры и американские флаги хлопают на ветру. Не остановились. Мы дома.

Паркуемся, Ро бежит к дому, с крыльца спускается ее мама. Мы уезжали на каких-то два дня, но вот они идут, обняв друг друга за талию, и разговаривают так, будто не виделись несколько месяцев и накопили кучу новостей.

В моем доме — он почти напротив дома Поппи — темно, шторы опущены, но за дверью гремит музыка.

— Мама, кажется, сегодня хотела сделать пиццу на гриле, — говорит Поппи — она, похоже, и не сомневается, что я останусь у них на ночь. Да и Уиллоу, ее мама, как будто в этом не сомневается.

До нас доносится запах цветов апельсинового дерева, растущего во дворе между моим домом и домом Поппи. С той самой первой моей ночи у Поппи, когда нам почти исполнилось двенадцать, я ни разу не спала в кладовке и не пряталась за дубом на заднем дворе. Я ни разу не пыталась напроситься к кому-то из подружек — только чтобы услышать в ответ, что в будни такого не будет. Уиллоу пускает меня всегда.

В доме у нее все какое-то на удивление нормальное. Чисто, в холодильнике еда, сама Уиллоу сидит на веранде и пьет чай со льдом. Спрашивает нас, как съездили, говорит, что мне нужно смазать солнечные ожоги соком алоэ, потом разводит огонь в гриле, а я закрываю глаза и вслушиваюсь. В разговор, в голоса птиц, в шорох ветра в кронах деревьев, в «стук-стук-стук» — это Уиллоу режет помидоры, лук и перец.

Вспоминаю ту первую ночь. Каким это стало облегчением — сбежать из дома, когда там Он. Не уворачиваться от Него, не чувствовать себя обязанной улыбаться Ему, мучиться, если все-таки улыбаешься. Вспоминаю, как Поппи дала мне свою лучшую пижаму, уступила лучшую подушку — да так, будто это обычное дело. Будто это самая обычная ночь.

— Вирджиния, — зовет меня Уиллоу.

Я открываю глаза, смотрю на нее: она улыбается и вообще выглядит нормально.

— Хочешь? — спрашивает она и поднимает со стола кувшин с чаем, лимоном и кубиками льда.

И я тоже прикидываюсь нормальной — как и всегда, как всегда прикидываюсь после этого.

В общем, есть у меня эта книга. Большая, тяжелая, с картинками цвета солнца и неба. Называется «Мифы Древней Греции» Долера. Мне ее подарила учительница в четвертом классе. Подарила втихаря, потому что иначе вышло бы, что я у нее в любимчиках, — но это было в том году, когда я пришла в школу с синяками в форме отпечатков пальцев на плечах.

Весь год я читала и перечитывала эту книгу в укромном уголке парка у водохранилища. Если шел дождь или начинало темнеть, я часто уходила домой к Талии. Дверь ее всегда была открыта — в прямом и переносном смысле. У них двери и окна открыты весь год — или почти. В дом проникает сырость от дождя, и ветер, и солнце.

Талия не так тащи́лась от этой книги, как я, но ей нравился миф про Дафну. А мне больше всего про Медею. У нас случались жаркие споры, чем Аид отличается от Хель и Люцифера, об эволюции мифологии и религии.

Поппи спит со мной рядом, а я таращусь в потолок. В следующем году я буду ходить на семинар «Сравнительная история идей», там нужно написать большой реферат. Я, наверное, буду писать по фольклору. По мифологии и сказкам. Давным-давно. Давным-давно жила-была маленькая девочка. Давным-давно жила принцесса-красавица. И после всяких приключений они жили долго и счастливо.

Я вытаскиваю из-под подушки телефон. Пишу Талии:
Привет.

Чего там? — отвечает она. — Как Поппи?

спит и дуетя

Нельзя спать и дуться одновременно

С такой похмелухи очень даже можно, — пишу я ей.

Талия присылает мне гифку: панда падает на спину — видимо, имеется в виду Поппи.

я тут подумала написать реферат по фольклору, — набираю я.

Например о чем? — отвечает Талия.

пока не знаю, может по мифологии? ну там про дафну

Клево

Хочешь вместе писать?

Талия долго не отвечает, меня прямо трясет.

Окей, — пишет она.

Я таращусь на это слово, пока не начинают болеть глаза. Она согласилась. Может, все еще можно поправить. Поправить то, что сломал Эдисон.

Я отправляю ей несколько сердечек, поворачиваюсь на бок, улыбаюсь в подушку.

Талия всегда считала, что сказки и мифы — разные вещи. Сказки — одно, мифы — другое, а религия и вообще третье. Сказки — вроде мультиков Диснея. Спящая Красавица, Белоснежка, Золушка. Что-то типа того, что писали братья Гримм или, может, еще Ханс Кристиан Андерсен. Прекрасный принц спасает принцессу от злой волшебницы, а после того, как сказка кончается, они живут долго и счастливо.

А мифы — это про Зевса, слышали про такого? Или еще про Одина, который Верховный Бог, про крутейшего Тора — они оба есть в фильмах киновселенной «Марвел». Только тут Талия, по-моему, ошибается. Все взаимосвязано. Тор когда-то был чьим-то богом, чьей-то религией. Потом стал мифом, а теперь это клевый австралийский актер, типа иностранец, который говорит по-английски как во времена Шекспира. Вообще непонятно. Всё — мифология, религия, сказки — на самом деле одно и то же: истории, которые мы рассказываем. Рассказываем, чтобы хоть что-то стало понятно.

Темнота, тебе страшно, гремит гром, мир содрогается, сейчас рухнет вообще, и тебя того и гляди схватит зверь, монстр, волк. Ничего ты не можешь с этим сделать. Только рассказать себе историю.

Давным-давно жили-были.

Просыпаюсь я раньше Поппи. Я здесь очень хорошо сплю. Всегда просыпаюсь первой. Осторожно вылезаю из кровати, иду вниз, в комнату, где нас укладывают, когда мы тут собираемся все. Раскладной диван, который всегда занимают Талия и Пас — ноги перекрещены и перепутаны в углу. Кресло-кровать, на котором спит Ро, раскинувшись, точно принцесса с ренессансной картины. А мы с Поппи устраиваемся на полу, набрав одеял, диванных подушек и длинных валиков — их продают в «Таргет», они все в павлинах, пейсли и георгинах. Рядом с Поппи мне всегда лучше спится.

Утренний свет — голубоватый, рассеянный, росинки блестят, как на платье у Золушки: крошечные огоньки на цветах

и листьях. Это любимое мое время дня — если успеть вовремя проснуться. Я пью мятный чай, который заварила Уиллоу, и жду Поппи. Она сползает вниз, вымотанная, но не ворчливая, протирая глаза от последних снов. Я подаю ей кружку с чаем — кружка нагрелась, а утренний воздух холодный — Поппи отпивает.

— Пошли на пробежку, — наконец говорит она.

— Не хочется.

— Давай, хорошо же будет. Не пожалеешь.

Мы синхронизируем музыку в наушниках, берем хороший темп: как всегда, наперегонки пробегаем полтора километра быстрее обычных семи минут. Я чувствую, как секунды отстают от нас, уносятся с воздушной струей, а мы все ускоряемся. Поппи вскидывает руки, выкрикивает любимую строчку из песни, я тоже поднимаю руки, когда этого требует песня, а она делает такие движения, как будто она газонокосильщик, мы будто танцуем какой-то старомодный танец, и солнце бьет в глаза, а воздух теплее некуда.

Накануне вечером шел дождь, в трещины и выбоины на тротуаре натекла вода. Я бегу на месте, пока Поппи спасает толстого дождевого червя — он тянется к цветам и грязи. Для нее это обычное дело. Спасает не только червей, но еще и жуков, и даже пауков. Талия называет ее покровительницей мезозги.

Мне в кроссовки натекла вода, хочется в душ и переодеться в чистое, а дома у меня как раз все затихло.

— Потом приду, — говорю я.

— Мне надо на это тренерское собрание, — отвечает она. — Как вернусь, напишу.

Мы никогда не прощаемся. Непонятно откуда, но она знает: мне важно быть уверенной в том, что она всегда рядом. Никаких прощаний. Скоро встретимся снова.

— Ладно, — киваю я.

— Ты супер, — говорит она.

— Ты, — отвечаю я.

— Нет, ты.

Машу рукой — и Поппи растворяется в солнечном свете.

Мы все выросли в этом тупичке. У Пас и Талии общий забор, в дальнем конце, под высокой сосной, которая убивает всю траву, а летом пахнет смолой и пылью. Ро живет на том углу, что ближе ко внешнему миру. Оттуда слышен шум Пятнадцатой улицы — до нее два перекрестка. Там остановка автобуса, прямо за магазинчиком Пальяччи, где делают песто primavera — мы его купали на дни рождения, думая, что это очень круто.

За моим забором парк у водохранилища — там темно, безопасно, иногда холодно, иногда приятно тепло, а в основном что-то среднее. Однажды в седьмом классе мы перелезли через мой забор и впервые покурили в парке травку. Ро перетрусилась, Пас разоралась, а я таранилась на листья березы с нижней стороны, на серебряные колокольчики, качавшиеся на ветру. В десятом классе Ро предложила мне на слабо пробежать по парку гольшом, потом передумала — нет, только постоять с голой попой на тротуаре, но я последнюю часть не расслышала и помчалась вперед в чем мать родила,

уворачиваясь от желтых фонарей, — было холодно, но приколно. Потом оделась за спинами у девчонок, в тени забора. Ро, Поппи, Талия и Пас ржали как ненормальные, потому что я рванула голышом, хотя меня никто и не просил.

Было время, когда я их еще не знала. Разглядывала со своего крыльца. Ро с родителями, которые, представьте, ею занимались: водили на прогулки, усаживали в детское автомобильное кресло и куда-то везли. Талию и Пас на другой стороне улицы — маленькие фигурки вдалеке рисовали мелом огромные деревья перед своими домами, крутили обруч, делали «колесо», пытались ездить на великах без рук. Даже когда в третьем классе мы с Талией подружились, я чувствовала себя чужой. А потом приехала Поппи, ничья подруга, которую можно было забрать себе.

Поппи и познакомила нас всех. Когда она приехала, мы собрались вокруг нее. Она пригласила нас к себе, мы все пришли — и подружились. До того не дружили, а Поппи нас объединила. А потом ее дом стал моим настоящим домом.

Дома в нашей округе — дома Талии, Пас и Ро — построены по проекту «Сирс крафтсмен». Я однажды посмотрела в интернете, потому что они мне очень нравятся и совсем не похожи на мой. Мой — старый уродский многоуровневый, мы его купили у старухи, и там до сих пор пахнет старухой, хотя сколько лет уже прошло. В сортире пятна, дверцы буфета ободранные.

Хлам после попойки, которая вчера вечером была у папани, раскидан по ковру в гостиной, тянется через кухню и столовую в ванную. Рядом с туалетом по линолеуму размазано

дерьмо. На столешницах в кухне пустые бутылки и красные круги от засохшего вина. Мусорное ведро вытащено из-под раковины, в него засунуты коробки от пиццы и мятые пакеты от чипсов. Я вытаскиваю коробки и переносу на столешницу — потом отнесу в компостную яму.

На моей прикроватной тумбочке пивная бутылка с окурками. Воздух вонючий, спертый. Похоже, вчера вечером кто-то вырубился в моей кровати.

Я снимаю постельное белье, распахиваю окно, запираю дверь, ложусь на запасное одеяло из шкафа в коридоре. Накрываю голову подушкой без наволочки и проваливаюсь в сон.

Давным-давно жила-была прекрасная принцесса, которая была еще и богиней, а еще колдуньей. Звали ее Медея (вы наверняка про нее слышали).

Жила она в далекой стране, далеко-далеко от всего на свете, даже от богов, песок там был черный и горячий, а вода серая, в ней так и кишели чудовища, а в хвойном лесу за ее царством водились ползучие и прыгучие твари, она их любила и боялась, иногда ползала с ними вместе, узнавала их тайны и разучивала их заклинания.

Она была внучкой Гелиоса, бога солнца (до того как его сместил Аполлон). Богов она не любила. Героев тоже. О Ясоне услышала еще до его появления. Знала про его смелую затею, он со своими аргонавтами хотел забрать золотое руно. Вот только руно охранял недремлющий дракон, которого Медея кормила

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru